

Литература номер 8

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Толя Устюгов

Моя литература номер 8

«Автор»

2026

Устюгов Т.

Моя литература номер 8 / Т. Устюгов — «Автор», 2026

В данном сборнике продолжаются приключения родни Петрушки, а также присутствуют стихи - в основном о моей родной деревне.

© Устюгов Т., 2026

© Автор, 2026

Толя Устюгов

Моя литература номер 8

Устюгов Толя.
Моя литература № 8.
(2018-й год).

Сказка: После начала 4.
Петрушкинское продолжение, часть 4-я/17-я.

Лиза, Мария, Петросян, Петя, и Серафима бежали вслед за, направляющим их, Еремеем, среди всего того, что как будто они оказались в мире ужасов сплошных. Люди визжали, кричали, верещали, орали, бежали, прятались, и пытались любыми попытками спасти свои жизни. Наши герои слились с той толпой, чтобы их не обнаружили.

Петросян пытается прийти в себя, но пока не может:

- Еремей! Какого хрена горького это щас было? – спрашивает он, имея ввиду то, что произошло во дворце, когда Еремей выявил наружу свой секрет, который не хотел открывать, но пришлось от безвыходности – (когда инопланетянин намерился напасть на Петросяна, но тут вмешался Еремей, и собственной магией нанёс удар по инопланетянину с такой силой, что тот аж улетел обратно в космос).

Еремей ответил:

- Неважно. Намного важнее сейчас спасти вам свои жизни.

Петросян не врубается:

- Неважно?!... То есть не должно меня касаться?! Не моё дело?!... Ты опять нам нагло врёшь Еремей! Врёшь, и даже ничуть не краснеешь! Ну вот как нам после этого тебе доверять на все 100%?!... Куда ты теперь нас ведёшь за собой? В ловушку, поди, какую?!

Еремей:

- Ещё не знаю. Но надо найти надёжное место на первое время, чтобы укрыться и продумать, как следует, план атаки против Балтазара. А на счёт доверия я снова повторюсь: вам придётся мне верить, как ни крути, иначе вы погибните, а следом за вами и вся наша планета.

Огромный космический корабль Балтазара повис над всем царством Петросяна, беспросветной тенью накрыв его всё. Инопланетные солдаты из его армии разбежались по всей земле Петросяна, похищали все увиденные жизненные организмы себе на корабль – брали в плен для экспериментов, а некоторые их просто съедали живьём.

Петросян не выдержал этого:

- Зачем мы бежим?! Когда нужно срочно помочь им!

Еремей сбивает его с той мысли:

- Не надо им помогать. Если они захотят жить, то сами спасутся. А мы должны продолжать делать то, что мы делаем сейчас. Жизни этих никчёмных людишек с их питомцами не стоят ничего по сравнению с вашими.

Петросян на его слова, вымолвленные в открытую без единой капли стеснения, злобно ошарашился:

- Откуда в тебе столь жестокости? В нашем роду и в помине не было подобных! Кто тебя ей научил?

А Еремей, пережив уж многое на своём веку, уверенно Петросяну в глаза прямо заявил:

- Жизнь!

Еремей, и Петросян со своим семейством, залезли в один из неприметных подвалов, и укрылись в нём. Все, кроме Еремея, долго не могли отдышаться после большого побега. Кто лежал, кто сидел, кто бродил туда-сюда, пытаясь перевести дыхание.

Когда все пришли в себя, Петросян начинает предлагать Еремею:

- Еремей! Ну... Ежели у нас пока есть немного свободного времени, то может потратим его на твою историческую автобиографию?! Ты на всё расскажешь, а мы послушаем, как следует, и извлечём единый вывод о тебе.

Еремей соглашается с Петросяном потратить небольшое количество времени с пользой:

- Эх, ну ладно. Я расскажу вам как всё было, и как всё есть по сей день, из того исходящего.

Лиза, Петросян, их двойняшки – Петя и Серафима, а также Мария шибко любопытно уставились на Еремея, принявшись слушать самым внимательным образом.

Итак, тишина. Еремей начинает рассказывать свою историю, вернее то, с чего вся эта канитель зародилась:

(Всё пошло ещё много лет назад в этом же, ещё в то время – мирном и спокойном царстве.

Десятилетний Еремей подходит к своей беременной маме, держит своими тёплыми детскими ручонками её выпуклый живот, и интересуется:

- Мам, а что это у тебя живот так вырос?

А мама ему и отвечает шутя:

- Да это я от арбуза семечку невзначай проглотила, вот он у меня в животе и вырос.

Еремей чуть ли не до слёз перепугался весь:

- Я же тоже семечки от арбуза ел! У меня что, тоже такой живот будет?!

Мама Еремея расхохоталась:

- Да нет конечно! Ты чего?! – потом она наклонилась к Еремею, поцеловала его, а затем своим ласковым материнским голосом шепнула ему на ушко, как секрет:

- Такое бывает только у больших женщин.

В скором мгновении пришёл папа Еремея с работы, весь потный, схватил его на крепкие мужицкие руки, принялся ласкать да нежить его. А тот только искренними детскими звуками в радостном голосе смеялся от ощущения непередаваемого.

Мама Еремея признаётся его батю:

- Я чувствую, что у нас опять будет мальчик.

Папа в непонятках:

- Почему ты так решила?

Мама наглаживает живот с улыбкой милой:

- Потому что девочки такими пухленькими не бывают.

Еремей, прекрасно понимая теперь, что мамин живот – это никакой не арбуз, аж выкрикнул с провизгом:

- Здорово! У меня будет младший маленький братик? И я буду с ним играть?

Родители прижались к нему, дружно взявшись вместе с ним за живот:

- Да. Скорей всего именно так Ерёмушка.

Еремей предлагает:

- Тогда его надо будет назвать Петрушкой. Я всегда мечтал о младшем братике с именем Петрушка. – признался он на волне бушующих эмоций.

Папа ему удивляется, не сбавляя уровня счастья:

- Хм, Петрушка?!... – почесал он бородатый подбородок: - Какое необыкновенное имя ты выдумал Еремейка... Ну хорошо, так и быть – по-твоему. Считай, твоя мечта уже осуществилась. – согласился папа, как и мама с их старшим сыном, и по-семейному обняли его вместе с, ещё нерождённым, Петрушкой...)

Тогда я думал... Хотя вовсе нет! Я считал точнее, что рождение родного брата сделает из лучшего всё ещё намного лучше. – пересказывает Еремей наследству Петрушки: - Да после его рождения я только сильно пожалел об этом...

(Когда родился Петрушка, то не прошло и минуты, чтобы он хотя бы чего-то не спакостил. После появления на свет он не ревел, а смеялся из-за того, что харкнул смачно прямо в лицо врачу, который и принимал роды у мамы с ним. Затем схватил скальпель и стал размахивать им во все стороны. А когда Петрушка был доставлен в родной дом, то там для себя он сразу открыл целый мир пакостей. По началу его родичи со старшим братом считали для маленького ребёнка это нормальным поведением вполне. Мол, если пакостит, значит гиперактивно познаёт окружающий мир. Но позже Петрушка разбушевался с пакостями до такой степени, что его родители и вовсе перестали обращать внимание на это. Ведь самый маленький, можно и побаловать. Кроме Еремея, которому он обожал вредить больше всех. Родичи не наказали ни разу Петрушку, всё твердя на то о том, что он «золотой ребёнок с самых пелёнок», всё также неизменно продолжив баловать его. А что на счёт Еремея ещё раз, дак Петрушка умудрялся шалуном гадить ему во всём, выставляя упёрто его собственной куклой для битья и моральных унижений. То у него игрушки любимые отберёт и сломает их, то снимет с себя наполненные пангузники и швырнет в него. Еремей долго терпел его выходки, и вот однажды его терпение лопнуло. Он так громко наорал на мелкого, что аж тот врубил такую сирену (сильно заревел), что на его рёв, как на прошение о помощи, в панике примчались их родичи, подхватили Петрушку на руки, а Еремея отхлестали мокрой вицей по голой заднице, и поставили коленями на горюх твёрдый в угол. Петрушка же, притворившись, что базлал, продолжил от всей души хохотать над старшим братом, как над разведённым лохом. Да вот только он тогда ещё не осознавал, что Еремей невольно выпускает поджигающие слёзы за него по-настоящему, и они действительно пролились, как выяснилось позже, далеко не напрасно. За любой Петрушкин косяк огребал люлей Еремей, и отхватывал он их по полной программе. Еремей по началу удивлялся, само собой – мол почему вместо Петрушки получает он? А родители ему и глаголили, что он его старший брат, и независимо от чего он несёт за него полную ответственность. Так и протянулись два невыносимых года для Еремея. Петрушка уж отлично научился ходить, и запакостил в 10 раз пуще привычно-обычного. Родительская любовь к Еремею постепенно угасала, и напротив: лишь всё сильнее расцветала к Петрушке – так считал Еремей. Но все его выдумки излишние оказались ни к чему, ведь его родители своими жёсткими поступками к нему только закаляли его, делая тем самым взрослее, опытнее, и самостоятельнее. Также Еремей твёрдо-упёрто был настроен на то, что его в родимой семье перестали замечать; особенно после, приведённых ниже, примеров:

За кушанием его родичи всё крутились около Петрушки, а с Еремеем почти и не говорили. Во многом они даже не обращали и малейшего внимания, всё его только уделяя мелкому. От того Еремей, поникший более, чем просто грустным состоянием, находился в полном одиночестве потом, думая о том, что как будто весь мир не понимает его. И только с друзьями он мог почувствовать себя, как должен чувствовать в семье дома.

Ещё один из, крепко запомнившихся, примеров того, что родители перестали уделять время Еремею, и даже заниматься с ним:

Как-то подошёл Еремей к отцу, что накачивал мило смеющегося Петрушку на качельке, и просит о помощи:

- Бать, а бать. Помоги мне пожалуйста с домашним заданием по арифметике, а то тут что-то одну задачу ну никак разобрать не в могу.

Дак знаете, что ему папа на его просьбу ответил, исходя из его домыслов, и ушей от них:

- Еремей! У тебя, вроде, глаза не на пятой точке выросли. Ты разве тогда не видишь, что я занят твоим младшим братом?! Мне некогда с тобой. И вообще: у тебя своя голова с мозгами есть, и ты должен уж уметь думать ей сам! Не мне же всю жизнь за тебя размышлять! Дак вот

и иди, и реши эту малахольную задачу сам! А вот если не решишь, и опять двояк в тетради домой притащишь, то ты прекрасно ведаешь, какое наказание тебя ожидает: упругая вица к жопе, да горох со свежего урожая в углу! Ты у меня всё понял?!

Еремей, уводя глаза, чтобы скрыть свои горькие слёзы, которых его отец в нём больше всего презирает, разворачиваясь, отвечает вполне уверенно, слегка проявляя обиду:

- Да понял. Понял. Не тупой... Так и скажи, что сам не шаришь в решениях. Но нет, вы же люди гордые – хрен свою ошибку когда кому признаете, даже самому Господу Богу. – крайние два предложения не произнёс он вслух, ведь он же не настоль враг себе.

Далее он вернулся за стол под горевшую свечку, освещающую его тетради раскрытые, и продолжил ломать голову над той задачей.

Вскоре к нему подходит Петрушка, располагается напротив, и приступает блестеть своими голубыми, умными, и в то же время весёлыми глазками, от чего Еремей только тяжело вздыхает:

- Эх, вот хорошо тебе живётся, братишка: не надо напрягаться по каждому пустяку... Пока что... Может ты сможешь подсказать мне, как решить эту дурацкую задачу?.. Не, ну а вдруг! – глупо спросил он конечно же.

А Петрушка ему в ответ только схватил чернила, в которое Еремей макал перо для прописи, и всю баночку плеснул ему в лицо.

Еремей более ну никак не мог стерпеть. Не сдержавшись окончательно, он и выпустил своего разбуженного внутреннего зверя наружу:

- Грррр! Всё! Надоело! Достали вы меня все!.. И ты особенно, мелкий крысёныш! – показал он указательным пальцем на Петрушку, не обижая его физически, следуя своим воспитанным, по манерному, мерам; ну и, естественно, по причине того, что опять ему может вполне хорошенько влететь из-за того.

Петрушка лишь продолжил дразнить Еремея, показывая ему язык...

В тот переломный момент Еремей больше не захотел жить в своей семье, и поэтому решил сбежать из родного дому, и жить один, думая, что именно лишь так будет лучше всем, и проще, и в первую очередь ему самому. Наступила ночь после конца того дня. И когда родители в своей комнате уже спали, а меж ними сопел Петрушка; Еремей, ничего необходимого с собой не взяв из дому, до такой степени тихо, что даже почти и не слышно, открыл скрипучие двери, незаметно вышел в них, и также тихо обратно закрыл. Затем, набирая для ускорения шаги, он стал всё дальше и дальше отдаляться от своего родного дома, и ни разу даже у него в голове не пробежало ни единой маленькой мысли, чтобы хотя бы обернуться, не говоря уже про то, чтобы одуматься и вернуться назад).

Еремей продолжает рассказывать свою историю своим внимательным слушателям:

- Тогда слишком молодой я был, поэтому и вспыльчивый, горячий, глупый, и важного не понимающий, даже того, что делал. Но позже выяснилось, что мой побег оказался далеко не случайным; он был предназначен мне судьбой заранее...

(На следующее утро родичи заметили отсутствие Еремея, но сочли единомысленно, что он уже утонул в школу. Ближе к ночи пробудилась родительская паника, да особенно ещё после того, когда они развели, что Еремея вовсе в школе не бывало.

- Чёрт! Куда ж его мог лихоман подевать? – сильно встревоженно заинтересован отец.

- Ты думаешь о том же, о чём и я? – спрашивает мама у папы, заставляя его задуматься о причинах побега старшего сына...

Родители по лесу бросились искать его:

- Еремей!.. Ерёмушка! Родной! – кричали они в один голос, подзывая к себе, надеясь найти. Матушка даже извинилась слабо заметно.

А Еремей сидел высоко на толстой ветке сосны, и слышал родительский зов, но не отвечал, не позволяя себе выпускать слёзы при этом, упрямо продолжая поступать с ними также, как они поступали с ним – равнодушно.

После долгих неудачных поисков родители куда крепче задумались над своей безответной поддержкой к Еремею.

- Это исключительно только наша вина в том, что он сбежал! Отныне мы его никогда не найдём! Характер у него непробиваем – чё задумает, то и исполняет до последу! – плачет горько мама.

Папа обнял её, и крепко прижал к себе для утешения:

- Да не переживай ты так. Он долго не продержится, духу не хватит. Не сегодня, дак завтра поджимать начнёт, махом домой прискачет обратно. – твердит, якобы, уверенно отец, а внутри у него на самом деле происходило всё наоборот, и он переживал не меньше матери, просто мужские принципы не позволяли ему выпускать те переживания на волю, чтобы не проявить тем самым собственную слабость, а только сильный, смелый, и волевой характер.

Вскоре родители покинули тот лес – ушли назад в свой дом. Еремей же, не осознав до конца в том возрасте крайних не сдержанных слов отца, но став от них злее, спустился с дерева на землю, сел под ним, уткнулся лицом в подогнутые колени, обняв их руками, и тихо плакал. Когда он после хныканья поднял голову, то засёк, как мимо него вдалеке проходит какой-то худой старикашка во всём белом одеянии, не подаёт никакого внимания на него, и с каждым неспешным шагом уходит всё дальше самовлюблённой походкой.

Но через несколько секунд Еремея сзади кто-то хватает рукой за плечо:

- Всё-таки зря ты выбрал путь одиночки. Человеку нельзя быть одному.

Еремей до полусмерти перепугался, вскрикнул аж, обернулся на силу, а там тот самый старикашка, который мимо проходил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.